

идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ басурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину его владѣнія вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить... Въ нынѣшнее... время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, осоюзившись съ нашими силами и единоподушно на непріятели вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ... мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя Церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивячше и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арапскія...»³⁴⁾.

Политика Петра Великаго послѣ 1711 года.

Прутскій походъ 1711 года былъ неудаченъ; царь былъ вынужденъ заключить невыгодный договоръ съ Турціею; новую войну съ нею царь считалъ не желательною и это также вынуждало его вести достаточно осторожную политику и по отношенію къ Польшѣ. Онъ все болѣе и болѣе усиленно ходатайствовалъ предъ польскимъ правительствомъ въ пользу православныхъ и вообще въ пользу «диссидентовъ»³⁵⁾; такимъ образомъ онъ въ первый разъ поставилъ на очередь «диссидентскій вопросъ»³⁶⁾ и только крайне сложная и неблагоприятная политическая обстановка вынуждала царя избѣгать форсировки въ веденіи дѣла, важность котораго онъ вполне понималъ³⁷⁾.

П. Гейманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

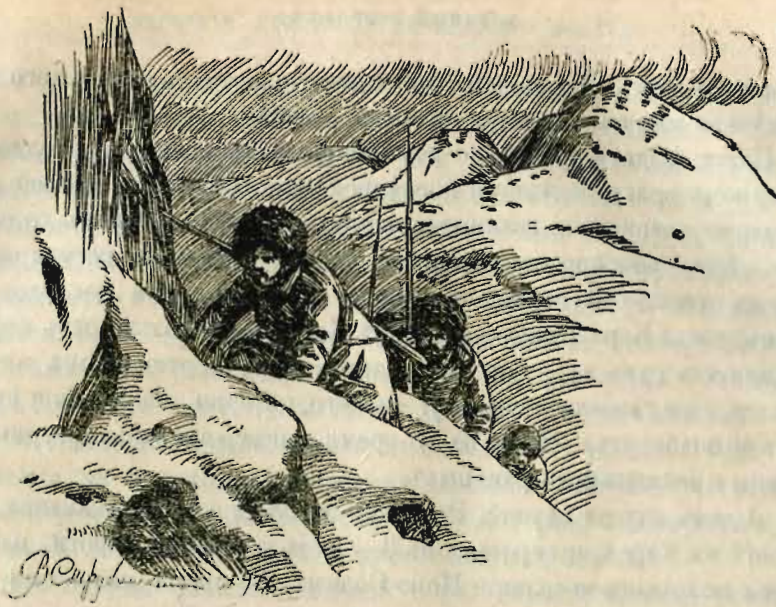
³⁴⁾ С. Соловьевъ, XVI, 57 и 61—63.

³⁵⁾ Такъ назывались въ Польшѣ христіане не католики, т. е. православные и протестанты. Тѣ и другіе обращались къ царю Петру и просили его заступничества.

³⁶⁾ Вопросъ объ уравненіи въ правахъ диссидентовъ съ католиками.

³⁷⁾ См. «Начало конца Польши», XXIV—XXVII.

„В. Сб.“ № 9, 1916 г.

Изъ дневника участника Кавказскаго фронта.

*(Продолженіе) **

Вобъжали турки. Приходится мѣнять позицію, преодолевать невѣроятныя трудности. Ни сна, ни отдыха. Днемъ идутъ непрерывныя бои, а ночью передвиженія: гдѣ надо усилить, гдѣ совершить обходъ; всюду приходится въ-время поспѣть. Все время подъ открытымъ небомъ, на морозѣ. Доходило до того, что спали подъ шрапнельнымъ огнемъ, приткнувшись гдѣ-нибудь у лафета, чуть не на ходу. При быстрыхъ постоянныхъ передвиженіяхъ доставка провіанта, разумѣется, затруднительна, но наши герои стойко все переносили, былъ бы хлѣбъ, а если удавалось согрѣть въ котелкѣ воду (снѣгъ), да добавить щепотку чаю, то это уже Лукулловъ пиръ. Выносливость необыкновенная. Положимъ, что и противникъ не отстаетъ. Снабжены плохо, пришли безъ обозовъ. Гдѣ тутъ добудешь провіантъ? И холодно, и голодно, хуже чѣмъ нашимъ. А раненые? Наши терпѣливы. А вотъ, напримѣръ, бредеть изможденный турокъ; на ногѣ у него клочья мяса, видна даже кость, рука въ такомъ же положеніи; смерть передъ

* См. «Воен. Сборн.» № 8, 1916 г.

глазами, а идетъ. Да, до чего терпѣливъ человѣкъ и какъ у него до послѣдней минуты теплится надежда... авось?

Нашъ солдатъ прекрасно понимаетъ, какъ тяжело приходится голодному врагу, и дѣлится послѣдней краюхой хлѣба. Вообще по отзывамъ очевидцевъ взаимоотношенія русскихъ и турокъ отличныя. Если совершаютъ звѣрства, то это курды, а регулярныя войска относятся совершенно иначе. Такъ, во время послѣднихъ боевъ, когда Караурганъ и турецкій Кеттекъ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, при взятіи вновь противникомъ этого пункта, они сказали раненому: «ничего, потерпи, скоро ваши придутъ и подберутъ». И это въ то время, когда «высококультурные» нѣмцы прикалываютъ раненыхъ.

А вотъ другой случай. Верстахъ въ 25-ти отъ Сарыкамыша, на дорогѣ въ Карсъ, и верстахъ въ 3—4 отъ желѣзной дороги, находится молоканское селеніе Ново-Селимъ. Во время нашествія турокъ оно было захвачено вражеской колонной. Турки армянъ вырѣзали, оставшихся молоканъ не тронули, требуя лишь поставки фуража и провіанта, если понадобится. Испортивъ затѣмъ полотно желѣзной дороги, они обстрѣляли шедшій изъ Сарыкамыша санитарный поѣздъ и захватили его. Трехъ врачей и четырехъ сестеръ увели въ селеніе, обращались съ ними отлично. Когда появились наши, они врачей увели съ собой, а сестеръ сдали на попеченіе муллы. Положимъ, что санитарный поѣздъ оказался ограбленнымъ и одинъ раненый приколоть, но это дѣло рукъ курдовъ. Съ послѣдними обращеніе другое. Казаки ихъ прямо не перевариваютъ (взаимная «симпатія»!)

Дали, говорятъ, какъ-то казакамъ отвести партію плѣнныхъ курдовъ съ наказомъ: «если будутъ сопротивляться, принять мѣры». Ну, въ результатѣ привели одного, самого здороваго. — «Такъ что онъ одинъ не сопротивлялся». Въ другой разъ привели партію плѣнныхъ курдовъ и турокъ.

Ходилъ, ходилъ казакъ вокругъ да около, все хотѣлъ что-либо сдѣлать ненавистному курду, да ему настрого приказали не трогать. Тогда онъ схватилъ руку курда и ею ударилъ по лицу турка. Тотъ уловилъ движеніе руки и началъ лупцовать курда. А казакъ ухмыляется—пусть межъ собой перегрызутся, ему одно удовольствіе.

Рассказываютъ еще случай. Гдѣ-то въ районѣ Селима 13 казачковъ-уманцевъ захватили 9 орудій. Турки и курды отъ неожиданности растерялись и запросили пардону. Казаки же принялись кро-

шить ихъ. Когда урядникъ сталъ останавливать, они были поражены: «чего же они уже и сдаются? Развѣ это порядокъ?» И подраться не дали, а руки чесались, да и увлеклись казачки. Это часто бываетъ въ разгарѣ боя. Одинъ, напримѣръ, стрѣлокъ былъ раненъ въ палець. Не успѣли на ходу перевязать, какъ онъ бросился впередъ, сильно выругался и крикнулъ: «отплачу же я имъ за палець!» Рвутся часто такъ, что едва удержишь,—увлекаются, бой захватываетъ. Ко всему привыкаютъ, приспособляются. Одинъ стрѣлокъ додумался, какъ рассказывалъ врачъ, даже до «панцыря»—сложилъ вдвое плетеный веревочный матъ и прикрылъ грудь и животъ.

Въ бою подъ Мерденекомъ пуля попала какъ разъ въ грудь, но застряла въ волокнахъ, произведя сильный ушибъ... и только. Спасся человѣкъ, а сколько легло смертью героевъ на горахъ и въ долинахъ, служившихъ ареной ожесточенныхъ боевъ!

Всѣ склоны Сарыкамышскихъ горъ, овраги, долины, усѣяны были тысячами труповъ. Гдѣ попала шрапнель, тамъ груда тѣлъ; гдѣ работала пулеметь, лежатъ цѣлыя цѣпи.

Турецкія трупы далеко не собраны для погребенія, такъ какъ ихъ засыпало сверху снѣгомъ,—не найдешь. Нашихъ же собрали въ кучи. Позы самыя разнообразныя: у одного поднята рука для крестнаго знаменія, такъ и застыла; другой, видимо, мчался въ атаку съ винтовкой на перевѣсѣ, такъ и замолкъ. Среди одной такой кучи, еще не сложенной въ могилу, какая-то дама долго искала кого-то. Мужчина сметалъ снѣгъ съ лица, а она все смотрѣла, пѣтъ ли того, кого искала. Тяжелая картина!...

Въ Сарыкамышѣ рыли спеціальныя братскія могилы, которыя внизу устилались хвойными вѣтками: на нихъ клались трупы, сплошь засыпаемые известью, а тамъ еще, еще ряды. Наверху насыпной холмъ. Надъ нимъ деревянный пока крестъ и огромный вѣнокъ изъ хвойныхъ вѣтокъ, перевитый георгіевскими лентами. Такъ хоронили героевъ-страдальцевъ, отдавшихъ свою молодость, свою жизнь за родину. Вѣчная имъ слава!...

Въ Карсѣ.

1.

Пока мы стояли на станціи Карсъ, пришлось не мало насмотрѣться на изнанку войны.

Безпрерывно прибывали поѣзда съ плѣнными. Сколько ихъ тутъ набрали: и здоровыхъ, и раненыхъ! Всю эту ораву изголодавшуюся

надо накормить, напоить, а иногда и придѣть. Вотъ приготовили имъ ужинъ. Высадили всѣхъ изъ вагоновъ-теплушекъ. Поставили сплошную стѣну охраны изъ ополченцевъ. Часть съ мисками направили на питательный пунктъ за пищей, часть за хлѣбомъ. Принесли. Расположились вокругъ чашекъ. Не у всѣхъ были ложки. Нѣкоторые ѣли черепками, крышками отъ консервовъ, чѣмъ попало, лишь бы глотать горячее варево. Были такіе несчастливцы, у которыхъ въ рукахъ ничего не было; мочили хлѣбъ и ѣли. Другіе же только смотрѣли, облизывались, а ждали очереди. Наши солдатики зорко слѣдили, чтобы другъ друга не обижали, не проявляли своихъ звѣрскихъ инстинктовъ, вѣдь публика разноплеменная: и курды, и турокъ, и арабъ, и армянинъ, и грекъ, и нѣмецъ. Чуть не досмотришь, отвернешься, какъ кто-либо затѣялъ уже драку. Крикъ стоитъ въ воздухѣ, разноязычный говоръ. Солдатики, кромѣ мѣстныхъ народностей, разговаривать не умѣютъ, но справляются съ своей задачей толково: кого схватить за рукавъ, кого за шиворотъ, и водворить на мѣсто. Многіе умѣютъ говорить по-русски нужные слова: «хлѣбъ», «вода». Даютъ конвоирамъ деньги, просятъ купить чего-либо. Если это турокъ, армянинъ, покупаютъ охотно; если курды, отказываются—«перерѣзать васъ проклятыхъ». Къ нимъ, видимо, общая ненависть. Еще бы! Пока въ плѣну, жалкій такой, смиренный, мухи не обидитъ. А выпусти его, сейчасъ же ножъ въ спину. Вѣроломный народъ! Сколько изъ нихъ пристало въ нашихъ предѣлахъ къ туркамъ. Изъ Сарыкамыша и окрестностей пригнали послѣ боевъ выселенныя оттуда семьи курдовъ, передавшихся врагу. Много ихъ тутъ было: стариковъ, женщинъ, подростковъ, малой дѣтвора, страдающей за грѣхи отцовъ.

Вотъ изъ окна теплушки выглядываетъ типичная, упитанная физиономія нѣмца,—очевидно наводчикъ или инструкторъ. Направили на него фонарь, а онъ хоть бы дрогнулъ, хоть бы посмотрѣлъ. Говорить отлично съ нѣмецкимъ, правда, акцентомъ по-русски, объясняется, конечно, по-турецки. Рѣдко виднѣется среди плѣнныхъ.

Одѣты аскеры прилично, это не та рвань, которую приходилось видѣть въ Азербейджанѣ, а настоящія регулярныя войска—изъ лучшихъ корпусовъ: сѣрыя, въ родѣ арестантскихъ, куртки, такіе же штаны, высокіе сапоги или «поршни» для горныхъ дорогъ, поясъ; на головѣ такая же, видимо, теплая, шапка, а фески почти не видно; у нѣкоторыхъ на плечахъ сумка изъ брезента... Солдаты стоятъ, добродушно улыбаются, забавляются ихъ видомъ, острятъ на счетъ своихъ бывшихъ враговъ.

Вотъ одинъ турокъ чего-то рванулся къ цѣпи часовыхъ. Его оттолкнули, но онъ нѣсколько разъ настойчиво бросался. Солдатъ не выдержалъ, хватилъ прикладомъ. Тотъ перевернулся и больше не подходилъ—понялъ. Чего онъ хотѣлъ? Неужели думалъ удрать?

У одного вагона на перронѣ лежатъ два трупа турокъ, скончавшихся въ пути и выброшенныхъ изъ теплушки. У одного скрючены и застыли руки, у другого голова на боку. Одѣты скверно, хотя возможно, что свои же обобрали умершаго, они это охотно дѣлаютъ... Лица истощенныя страшно. Да и то правда, тяжело имъ было, вѣдь, по рассказамъ очевидцевъ, многіе падали отъ истощенія, замерзали въ окопахъ...

Въ другой разъ формировали поѣзда для посадки пригнанныхъ плѣшкомъ до двухъ тысячъ плѣнныхъ... Какъ они рады, что добрались до вагоновъ! Мѣста берутъ съ боя; каждому хочется поскорѣй устроиться. Нѣкоторыхъ вносятъ, подсаживаютъ. Стараются собрать свою партію. Улыбаются, довольны... Эти плѣнные похуже и разнообразнѣ одѣты: кто цѣликомъ въ защитномъ костюмѣ и пальто съ темносѣрыми погонами; кто въ лохмотьяхъ, безъ сапогъ, въ опоркахъ; у кого на головѣ красная феска, у кого темнаго цвѣта чалма или шапка съ зеленымъ верхомъ и какимъ то значкомъ... Въ общемъ порядочный сбродъ. Масса слабыхъ, больныхъ, изможденныхъ... Часть ихъ провели прямо съ обѣда. Впереди шествовали, взявшись подъ руки или держась за руки, по трое, какіе то оборванцы: и турки, и курды, и старики, и почти дѣти. За ними получше одѣтые аскеры въ сѣрыхъ шинеляхъ и башлыкахъ на головѣ. Ихъ обогнали на фаэтонахъ турецкіе доктора, свободно разѣзжающіе по городу съ нашими врачами...

Прошло черезъ Карсъ масса такихъ поѣздовъ. Сдавались турки охотно, большими группами. Много бывало курьезовъ. Во время боя, напримѣръ, сдилось ихъ человекъ сто такихъ. Обезоружили, поломали, что было возможно, и предоставили итти, куда желаютъ, такъ какъ бой продолжался, а выдѣлать сильный конвой не хотѣлось... Турки потянулись за войсками. Въ селеніе безоружными не зайдешь, да и армяне перерѣжутъ. Съ другой стороны въ плѣну лучше: и поѣшь, и въ теплѣ будешь. Ну, и шли впередъ. Пришлось выдѣлать нѣсколько казаковъ для препровожденія этой банды.

Послѣ Сарыкамышскихъ боевъ по окрестнымъ лѣсамъ разбрелись турки и курды. Походятъ, походятъ и присылаютъ парламентаря—ихъ забираютъ... Много, много плѣнныхъ... Немало и раненыхъ... Такъ подвезли на фургонахъ, собранныхъ у желѣзной до-

роги, турокъ, до 200 человекъ, да и нашихъ до пятидесяти. Среди нихъ много подмороженныхъ, не могущихъ двигаться... Все это эвакуируется... Проходитъ много санитарныхъ поездовъ съ больными и ранеными. А сколько лежитъ еще по госпиталямъ!... То и дѣло слышится похоронный маршъ: провожаютъ останки офицеровъ на родину... Вносятъ запаянный гробъ въ товарный вагонъ... Караулъ выстраивается на перронѣ, отдаетъ честь... А кругомъ ни родныхъ, ни близкихъ... Да, не мало тяжелыхъ, грустныхъ картинъ!...

2.

Городъ Карсъ раскинулся по холмамъ и долинамъ, прорѣзываемымъ бурнымъ Карсъ-чаемъ, теперь скованнымъ льдомъ...

Отъ вокзала, за круглымъ скверикомъ, влѣво отходить Саперная улица, по которой раскинуты каменные казармы Кабардинскаго полка, занятые почти сплошь лазаретами. Направо, мимо нихъ, отходить Чавчавадзевская ул. На углу ея и Инженерной стоитъ почему то цѣлое озеро воды, все прибывающей со стороны казачьихъ конюшенъ. Отъ Инженерной направо, гдѣ находится каменная армянская церковь, уходитъ въ гору, затѣмъ внизъ къ Карсъ-чаю главная Александровская улица. Это артерія города. Здѣсь находятся: лучшіе магазины Александра и др. (отдѣленіе экономическаго общества немного въ сторонѣ на Полицейской улицѣ); булочныя и кондитерскія, даже кофейная, но, надо отдать справедливость, все неважное по вкусу; кинематографы: Аполло, Иллюзіонъ, Триумфъ, въ которомъ кассиршей состоитъ какая то якутка или бурятка, не разберешь; гостиницы: Люксъ, Имперіаль, Европа, гдѣ имѣется ресторанъ, Сербія; послѣдняя прежде называлась Берлинъ, но въ виду войны вывѣска перевернута надписью внизъ, а надъ ней красуется новое названіе—оригинально. На улицѣ какой-то туземецъ продаетъ газеты, но деретъ страшно: за номеръ «Рус. Слова», стоящій на вокзалѣ 6 к., беретъ по 10 к. приходится покупать, такъ какъ вокзалъ сравнительно далеко и никакъ не угадаешь, когда открыть газетный кіоскъ...

Театра нѣтъ. Пріѣзжіе концертанты, если заглянуть въ эту глушь, выступаютъ или въ военномъ собраніи, или въ общественномъ. Первое помѣщается на углу Карадагской и гр. Воронцова-Дашкова улицы, называвшейся, кажется, еще недавно Губернаторской. Большое зданіе, хорошая столовая, залъ, билліардная, читальня—все, что полагается. Много офицерства и теперь тамъ столуется, хотя нельзя сказать, чтобы готовилось вкусно, но зато дешево въ сравненіи, на примѣръ, съ вокзаломъ.

Домовъ много хорошихъ. Тротуары каменные, неважные. Зданія имѣютъ болѣе привлекательный видъ, чѣмъ въ Александропольѣ, не такія мрачныя... Главная улица почти упирается въ рѣку. Направо на высокой площадкѣ находится крѣпостной соборъ, очень старинной стройки, что замѣтно по виѣшнему виду, такъ какъ наверху высѣчены изъ камня разныя фигуры. Вычаетъ церковь крестъ надъ полумѣсяцемъ. Внутри церковь ничѣмъ не напоминаетъ древняго храма.

Небольшой деревянный иконостасъ. Всюду электричество. Поютъ для солдатскаго хора хорошо. Служатъ благолѣпно; при пѣніи «Херувимской» зажигаютъ паникадило, потомъ тушатъ; при пѣніи «Тебѣ поемъ» зажигаютъ крестъ надъ Царскими вратами и лампочки надъ иконостасомъ.

Если обогнуть внизъ церковь, то вправо можно видѣть высокіе минареты и развалины, очевидно, пристроекъ мечети... Еще правѣе уходитъ дорога на предмѣстье. Тамъ тоже видна старенькая церковка... Почти противъ входа въ соборъ, расположены высокія горы. Съ правой стороны громадная нависшая скала, на которой пріютилась, словно ласточкино гнѣздо, старинная цитадель. Отсюда производятся салюты. Оригинальный видъ ночью, когда загорятся огоньки... Мимо скалы внизу идетъ дорога къ старому мосту черезъ Карсъ-чай, возлѣ котораго находится куполообразная баня «Фантазія». Вправо въ ущелье сбѣгаютъ по обѣ стороны дороги, ведущія въ самую крѣпость, на форты. По скатамъ масса домиковъ. Влѣво уходитъ извилистая улица, а отъ нея, словно щупальцы, тянутся вверхъ по разнымъ направленіямъ узенькіе, крутые, грязные переулочки. Кругомъ старинныя, быть можетъ турецкихъ временъ, постройки съ надстройками, балкончиками, нависающими надъ улицей... Отсюда можно выйти къ новому мосту черезъ Карсъ-чай. Внизъ ведутъ ступеньки въ городской садикъ, тянущійся вдоль рѣчки... Отъ моста подымается вверхъ параллельная Александровской, Михайловская улица, на которой «помѣщается» «Общество взаимнаго кредита», а наверху, на углу Карадагской небольшая церковь, высящаяся надъ городомъ...

Всюду солдаты, солдаты, изрѣдка прапорщики, доктора, сестры милосердія—словно военный лагерь, а не городъ, даже областной.

Слѣдующая, параллельная Михайловской, улица гр. Воронцова-Дашкова, гдѣ кромѣ военнаго собранія, находится реальное училище, Маріинское женское училище... Въ концѣ ея, глубоко внизу красуется, будто перенесенный изъ Ташкента, изъ городского сада,

памятникъ воинамъ, павшимъ при взятіи Карса въ 1823—53—77 гг. На скалѣ гордо стоитъ знаменщикъ. Ниже—орелъ въ когтяхъ держитъ склоненное турецкое знамя съ полумѣсяцемъ. По угламъ постамента изображены: вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, Муравьевъ Карскій, Паскевичъ-Эриванскій и Лорисъ-Меликовъ. Лѣвѣе памятника, на площади красивая церковь Кабардинскаго полка. Въ ея оградѣ братскія могилы героевъ штурма 1877 г. Правѣе погребены офицеры, лѣвѣе нижніе чины. Надъ ними памятники съ георгиевскимъ крестомъ...

Противъ военнаго собранія начинается Овражская улица. Она сначала упирается въ камни, а затѣмъ сворачиваетъ по карнизу влѣво. Внизу обрывъ... Большая котловина, по которой вьется Карсъ-чай. Видны проруби. Возлѣ нихъ копошатся люди, лошади, скоть... На островѣ видны огороды...

Удивительная здѣсь погода: то сплошной туманъ, вѣрнѣе облака, вѣдь Карсъ на высотѣ больше версты, то ослѣпительно яркій день; то ночью морозъ—20°, то днемъ на солнцѣ все таетъ, мчатся ручьи, словно ранней весной.

Если спуститься съ Овражской ул. въ котловину, подѣ скалы, мимо замолкшаго теперь пивовареннаго завода «Жигули», попадешь въ конецъ городского сада. Черезъ рукавъ Карсъ-чая перекинуть дырявый мостикъ, отъ котораго слѣва обнесенный оградой и выкрашенный въ розовую краску ресторанъ «Лѣтній Яръ». Правѣе его второй мостикъ ведетъ въ самый садъ... Тутъ нѣсколько аллей, бесѣдки, большое зданіе, на главной дорожкѣ, ресторана или собранія, лѣтній «Иллюзионъ». Довольно большое пространство занято садомъ. Есть, гдѣ погулять и отдохнуть въ тѣни. Видимо имѣется цвѣтникъ...

По другую сторону котловины находится аэродромъ... Въ день новаго года надъ городомъ витали аэропланы... Высоко, высоко... Быстро... Плавно парятъ, словно орлы... То забираютъ въ недостижимую высь, едва слышишь даже звукъ мотора; то спускаются низко, низко и кажутся уже похожими на гигантскую стрекозу; то снова взмываютъ вверхъ и, описывая кругъ, уносятся вдаль... Вотъ быстро по прямому направленію примчались назадъ и рѣютъ надъ городомъ тихо, тихо, какъ бы высматривая, что здѣсь подѣлываютъ «рожденные ползать»... А тамъ вдругъ уносятся и быстро спускаются на аэродромъ... Какая чарующая красота!..

Отголоски побѣды.

1.

Пронесся боевой ураганъ по всему Закавказью, заставивъ уцѣлѣвшія полчища турокъ въ безпорядкѣ устремиться къ твердынямъ Деве-Бойну, бросая орудія, обозы, раненыхъ, полузамерзшихъ аскеровъ... Наши войска съ боемъ преслѣдовали турокъ, не давая имъ опомниться... На фронтѣ орудійная кононада, трескотня пулеметовъ и ружей постепенно стала замирать. Одинъ изъ послѣднихъ боевыхъ эпизодовъ разыгрался 14-го—15-го января. Остатки X корпуса, подкрѣпленные свѣжими частями, высланными изъ состава Эрзерумскаго гарнизона, упорно не желали оставлять Ольтинскаго района, чтобы не дать возможность нашимъ отрядамъ дѣйствовать въ тылъ разбитому и отступающему отъ Караурганъ XI корпусу.

Благодаря этому здѣсь все время происходили «частные бои, вызванные стремленіемъ турецкихъ отрядовъ задержаться»... Въ серединѣ января наши войска сосредоточились у Наримана, недалеко отъ границы, къ югу отъ Ольты. Другая же колонна, дѣйствовавшая со стороны Сарыкамышскаго направленія, «вечеромъ 14-го января, пользуясь сильной метелью, перевалила черезъ горный хребетъ и штурмомъ завладѣла селеніемъ Горнесъ», находящимся въ направленіи Бардусъ—Нариманъ, въ предѣлахъ Турціи, причемъ «взяла въ плѣнъ начальника 30-й турецкой дивизіи со штабомъ, 16 офицеровъ, 7 врачей, 350 аскеровъ; захватила 6 горныхъ орудій, болѣе 200 винтовокъ, выучный транспортъ и много боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ». Турки, видимо, не ожидали нападенія, считая себя въ безопасности, особенно подѣ покровомъ сильной метели. На утро, 15-го января, опомнившись, «турки атаковали эту колонну, но были энергичной контръатакой отброшены, понеся большія потери и оставивъ одинъ пулеметъ» въ нашихъ рукахъ.. Послѣ этого боевого эпизода на всемъ главномъ фронтѣ наступило полное затишье, изрѣдка нарушаемое небольшими перестрѣлками...

Не то было на флангахъ: въ Зачорохскомъ краѣ и въ Азербейджанѣ, особенно въ послѣднемъ, гдѣ боевыя дѣйствія явились прямымъ слѣдствіемъ славной Сарыкамышско-Караурганской побѣды...

Послѣ разгрома турокъ подѣ Ардаганомъ наши войска, постепенно очищая области отъ непріятеля и шаякъ возставшихъ му-

сульманъ, примкнувшихъ къ нимъ, прошли Ялагузчамскій переваль и быстро подошли къ р. Чороху, уже 5-го января занявъ Арданучь... Одновременно двумя колоннами происходило вытѣсненіе турокъ изъ Зачорохскаго края. Приморская колонна, двигающаяся по береговой полосѣ, «5-го января овладѣла сел. Ридревети и позиціями на горѣ «Султанъ-Селимъ», нанеся непріятелю значительныя потери». Всѣ дальнѣйшія атаки, производившіяся турками въ этомъ районѣ, 13-го января были отражены. Продвигаться приходилось шагъ за шагомъ по горнымъ кручамъ и дикимъ ущельямъ, усыянными лианами, колючими рододендронами, рвущими не только одежду, но даже тѣло пробирающихся сквозь чащу стрѣлковъ. При такихъ условіяхъ движеніе сильно замедлялось, однако, уже во второй половинѣ января, наши войска, перейдя границу, отбросили «части противника отъ селенія «Башкей». Въ это время наша Чорохская колонна, двигаясь вдоль рѣки, заняла важный пунктъ «Борчки». Отсюда дорога уходитъ на юго-востокъ въ Артвинъ и дальше на Арданучь. Отъ «Борчки» начинается болѣе спокойное теченіе Чороха и можно свободно на каюкахъ пробраться въ Черное море.

Такимъ образомъ Чорохская и Ардаганская колонны, постепенно сближаясь, очищаютъ мало-по-малу весь край отъ хозяйничавшихъ тамъ турокъ. Цѣль же приморской колонны—турецкій портъ Хопа, откуда все время шло снабженіе и пополненіе дѣйствовавшихъ здѣсь непріятельскихъ отрядовъ. Въ этомъ отношеніи рука объ руку дѣйствуетъ нашъ флотъ, производящій набѣги съ цѣлью обстрѣла, захвата транспортовъ, уничтоженія фелюговъ, то на Хопу, то на Ризе, то на Трапезундѣ. Вслѣдъ за послѣднимъ обстрѣломъ Хопы, «21-го января, крейсеръ «Бреслау», подойдя къ Батуму, выпустилъ 20 безрезультатныхъ выстрѣловъ по нашимъ миноносцамъ, маневрировавшимъ тамъ. Послѣ двухъ выстрѣловъ съ крѣпости «Бреслау» удалился». Очевидно или турки сильно обезпечены набѣгами нашихъ судовъ, или же «Бреслау» сопровождалъ транспорты и заодно подошелъ «попугать» жителей Батума...

На противоположномъ флангѣ, въ Азербейджанѣ, послѣ стягиванія нашихъ войскъ къ границѣ, во время Сарыкамьшской операціи, «дѣятельность противника усилилась. Многочисленныя курдскія шайки, поддержанныя турецкими регулярными частями, пытались наступать въ районѣ Хоя», т. е. на правомъ флангѣ расположенія нашего отряда, «но были повсюду отражены». Послѣ блестящей побѣды представилась полная возможность вновь раз-

вить операціи на этомъ фронтѣ для восстановленія прежняго положенія. И вотъ, какъ гласитъ сообщеніе штаба Кавказской арміи отъ 16-го января, «одна изъ нашихъ колоннъ послѣ упорнаго боя овладѣла Софіаномъ», на трактѣ изъ Джульфы къ Тавризу, «захвативъ знамя, одно орудіе и запасы продовольствія. Противникъ отступилъ, оставивъ на полѣ сраженія нѣсколько сотъ труповъ». Въ дальнѣйшихъ бояхъ подъ Тавризомъ «турки, потерявъ еще 4 горныхъ орудія, боевые и продовольственные припасы, плѣнныхъ и, будучи отрѣзаны отъ Тавриза», принуждены были бѣжать, такъ что 17-го января наши войска вновь заняли столицу Азербейджана, нанеся чувствительный ударъ турко-германцамъ. питавшимъ надежду поднять противъ насъ Персію, втянувъ ее въ компанію съ нашими врагами. Однимъ словомъ, къ началу февраля наступило почти полное затишье на всемъ Кавказскомъ фронтѣ, что дало возможность нашимъ геройскимъ войскамъ отдохнуть послѣ тяжелой боевой страды...

2.

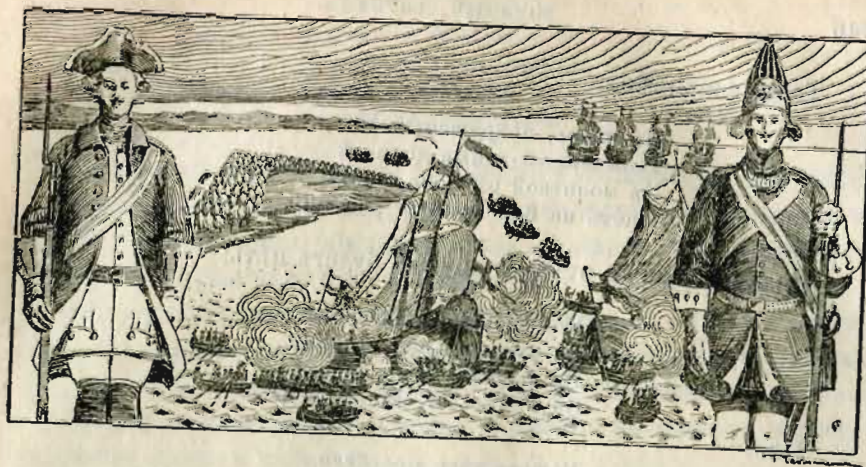
Идетъ спѣшная ликвидація возстанія мусульманской части населенія, примкнувшей къ турецкимъ войскамъ, вторгнувшимся въ наши предѣлы: курдовъ, аджарцевъ... Трудно, конечно, установить, какое участіе принимали мѣстные жители тѣхъ селъ, черезъ которыя шель потокъ непріятельскихъ полчищъ: кто примкнулъ добровольно, кого увлекли силой. Вотъ, наприимѣръ, цѣлый списокъ «опознанныхъ» изъ Хоросанскаго, Саганлукскаго, Ольтинскаго и даже Артвинскаго округовъ, попавшихся среди плѣнныхъ. Конечно, они какое то участіе принимали, но надо установить болѣе точно, что каждый изъ нихъ дѣлалъ, такъ какъ въ зависимости отъ этого грозитъ имъ наказаніе: попался въ качествѣ шпиона или съ оружіемъ въ рукахъ—смертная казнь; оказывалъ ту или иную помощь непріятелю—ссылка въ каторжныя работы; если вообще признанъ вреднымъ—высылка въ мѣста достаточно отдаленныя отъ родины въ административномъ порядкѣ. Про нѣкоторыхъ установлено, что они служили проводниками для турецкаго войска—ихъ участь рѣшена. Вѣда только, что многихъ опознанныхъ увезли вмѣстѣ съ плѣнными въ Россію—ищи теперь вѣтра въ полѣ, всѣ слѣды сглажены. Часть оказалась ранеными. Съ этими легче, конечно, расправиться, пусть только выздоровѣютъ... Приводятъ массу мѣстныхъ жителей. Съ ними разбираться еще труднѣй, такъ какъ сплошь и рядомъ некого и опросить, а дѣятельность каждого чувствуется, установить же очень трудно... Болѣе «знатные» изъ

окрестныхъ деревень захвачены въ качествѣ заложниковъ. Всюду снуютъ карательныя экспедиціи, сурово расправляющіяся съ возстанцами. Окрестныя села опустѣли: кто поудиралъ изъ боязни турокъ и не рѣшается вернуться; кто примкнулъ къ нимъ добровольно и легъ на полѣ брани, захваченъ въ плѣнъ, или увлеченъ обратнымъ отхлынувшимъ потокомъ; кто вернулся было на свой страхъ и рискъ, да во время захваченъ и изобличенъ въ сочувствіи туркамъ; кто вырѣзанъ неприятелемъ на мѣстахъ проживанія, показавшись имъ подозрительнымъ... Въ общемъ же села пустыни, какъ въ районѣ Сарыкамышъ, Ольтъ, такъ и между Карсомъ и Ардаганомъ... Многія селенія полуразрушены... Въ Караурганѣ и сосѣднемъ Кеттекѣ почти все разрушено, жителей нѣтъ, только въ каждой семьѣ груды труповъ... Въ Зивинѣ населенія не осталось, кромѣ старика, мальчика—слѣпого, дѣвочки—турчанки, лѣтъ 14—15. Они все прятались и, несмотря на холодъ и голодь, не выходили изъ своей сакли. Но вотъ старикъ-дѣдъ умеръ и пластуны съ трудомъ взяли дѣтей, накормили, напоили, увѣривъ, что отправятъ ихъ въ Эрзерумъ. Въ другомъ селеніи жителей не оказалось, лишь одинъ, послѣдній, малютка лѣтъ трехъ, въ страшную стужу, выползъ откуда то и отправился по дорогѣ въ сосѣднее селеніе. Бѣдвыя дѣти! Сколько имъ пришлось натерпѣться!..

Много строеній пострадало отъ огня во время страшныхъ боевъ, но турки въ своемъ стремительномъ натискѣ мало разрушали. Такъ въ одномъ селеніи возлѣ Ново-Селима остались не тронутыми даже цѣлыя скирды не обмолоченнаго хлѣба. Или, очевидно, имъ не было времени разрушать, такъ спѣшили захватить Сарыкамышъ, или же такъ крѣпко надѣялись на побѣду, что не желали разрушать «своего»... При обратномъ бѣгствѣ было уже больше рунѣй на ихъ пути, тогда уже не такъ церемонились, хотя тоже мало времени было думать объ этомъ, надобно было «живою спасать», особенно, когда попадали въ руки сибирскихъ казаковъ, прекрасныхъ рубаекъ, не признающихъ плѣнныхъ, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, массы ручныхъ гранатъ, врывающихся въ ряды турокъ, оставлявшихъ послѣ себя цѣлое кладбище.

А. М—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскій солдатъ и его служба въ народныхъ воззрѣніяхъ.

Народное творчество и въ текущіе дни великой войны.

(Съ портретами, рисунками, поемами).

Перепечатка воспрещается—законъ 20-го марта 1911 г.

(Продолженіе). *)

II. Рекрутство-новобранство, — взгляды семьи — «рода-племени» и деревни; родительскіе благословенія и завѣты; благословенія на трезвость; напутствія — прощанія — провожанія; моленія; заговоры.

«Мужикъ—Богу свѣча, Царю солдатъ».

(Народн. посл.).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить частушки, въ которыхъ, по выраженію г. Ульянова: «звучатъ нотки отреченія отъ личной жизни, отъ сердечныхъ привязанностей и успокоенія себя и своей милой на высокомъ долгѣ защиты родины отъ врага и на трогательныхъ отношеніяхъ (можетъ быть навѣянныхъ письмами съ войны) другъ къ другу воиновъ, которые твердо стоятъ братъ за брата (sic)», что, какъ было указано нами въ первой главѣ, является отзвукомъ былинной эпопеи, по старинѣ глубокой.

*) См. «В. Сб.» с. г. № 2—8, въ № 2-мъ обзоръ всего содержанія труда и источниковъ.